

ков из Европы в Америку на протяжении второй половины XIX в. Однако в обоих случаях оценивать результаты имеет смысл, учитывая не только имперские интересы, но и мотивы, которыми руководствовалась преобладающая масса переселенцев.

Другая проблема, возникающая при безоговорочном следовании концепции Дальмана, это восприятие освоения Сибири как явления продвижения русского этноса по территории, не принадлежавшей ему по праву первожительства на этих землях. Автор даже употребляет взятое из другого контекста понятие «руссификация». На самом деле нельзя отрицать, что среди организованных переселенцев столыпинского времени, как и среди беглых крепостных крестьян, среди ссыльных и оставленных в Сибири на поселение, наконец, среди раскулаченных в 1930-х гг. преобладали русские. Действительно, переселенцы (и русские, и иной национальности) сталкивались с немалыми трудностями «выживания» на новом для них месте. Это были не только сибирские морозы. Замкнутость сибирской обитываемости, законсервировавшей порядки, возникшие как способ выживания в трудных сибирских условиях, предписывала недоверие к чужим, «пришлым». Рассчитывать на прием новичка в такую общину было трудно, а вытеснять кочевников с отведенных им пастбищ запрещали законы. Однако просторы Сибири в то время еще позволяли селиться, не слишком стесняя предшественников. Поэтому русские, украинские, кавказские поселения издавна чередовались здесь с немецкими, корейскими, казахскими и т.д. Заселение Сибири никогда не было руссификацией в том

смысле, в каком этот термин употребляется при оценке политики, проводившейся российским правительством на разных этапах ее истории.

Каторга, ссылка, «вечное» поселение без права возврата в европейскую часть страны — следующая тема, без которой немыслима сибирская история. Дальман, ориентируясь на то, что нам ныне известно о ГУЛАГе, склонен не слишком подчеркивать масштабы произвола, беззакония и жестокости дореволюционного царского тюремно-ссыльного режима. Он даже готов признать полезность ссылки в Сибирь декабристов, польских бунтовщиков или русских народовольцев, которые получили возможность заниматься изучением быта сибирских народов. Здесь стоит напомнить, что даже ГУЛАГ ныне иногда изображают как изолированное и потому «спокойное место работы» ученых над открытиями мирового значения.

К наиболее удавшимся частям научного повествования принадлежат тема строительства Транссибирской железной дороги, а также затянувшейся на сибирской территории Гражданской войны. О ней пока еще далеко не все известно; автору пришлось по крупинкам собирать материал. В целом же роль Сибири в XX в. и происшедшие на этом этапе перемены в оценке ее значения для России и для мира освещены довольно коротко. Тем не менее представляется весьма полезным дать русскому читателю возможность ознакомиться с переводом с этой важной и интересной книги по истории Сибири.

**Л.Я. Томас, доктор исторических наук
(Германия)**

История России. XX век / Под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель, 2009. Т. 1. 1023 с. Т. 2. 847 с.

Изучение истории XX в. с неидеологизированных позиций, учитывая отсутствие привычной для академической традиции временной дистанции, — задача сложная. Она особенно усложняется применительно к истории России, где имел место и потерпел сокрушительное поражение коммунистический эксперимент, начавшийся в ходе революции 1917 г. и завершившийся крушением СССР в 1991 г. и возрождением современной России. Всякое исследование по истории России XX в. не может игнорировать эту центральную проблему и должно предложить свое решение. Делает это и коллектив авторов рецензируемого труда.

Основная идея книги — Россия проиграла XX в., ставший для нее «временем катастроф

и разрушений». Каталог, представленный в книге, действительно выглядит впечатляюще: «неудачная война с Японией (1904–1905), первая революция (1904–1905), Первая мировая война (1914–1918), отречение Николая II, Февральская революция, октябрьский переворот 1917 г., разгон Учредительного собрания, установление большевистской диктатуры и террора (1918), Гражданская война (1918–1922), разрушение государственного строя, Церкви, гражданского общества, сталинизм, чистки и концлагеря, десятки миллионов жертв, второе вторжение Германии в 1941 г., к которому страна не была подготовлена, опять десятки миллионов жертв, разрушение страны; безусловно, героическая победа над Германией,

но какой ценой! Неудачные хрущевские эксперименты, опять разрушение сотен церквей, брежневский застой, развал Советского Союза в 1991 г., хаос в экономике и политике в девяностые годы, демографическая катастрофа» (т. 2, с. 810).

Можно ли найти единую причину этих бедствий? Авторы считают, что можно. Она состоит в отступлении от подлинных религиозных основ национальной культуры (утрата «самобытного духовного лика») и утопической программе установившегося в России политического режима. «К чему, – спрашивают авторы, – мы стремились в течение большей части прошлого века? К построению коммунистической утопии, к построению самой мощной, самой большой сверхдержавы в мире. Как и следовало ожидать от утопии, закончилось тем, что она развалилась, развалилась и сверхдержава, и мы остались, в конце XX в., у разбитого корыта. Плюс десятки миллионов жертв этого эксперимента» (т. 2, с. 810). Коммунизм, действительно, проявил себя как ложная и деструктивная идеология. Однако возникают другие вопросы: кто эти «мы», которые «поверили» в коммунизм, а затем пожалели его горькие плоды – народ, интеллигенция или власть, были ли они едины, почему «народ» оказался введен в заблуждение и пребывал в нем столь длительное время, и проч.?

Стержень теоретической конструкции данного труда составляет спорная идея солидаризма – кооперации людей, составляющих общество, в решении фундаментальных социальных проблем. Понятие «солидаризма» заимствовано авторами из теоретического багажа русской постреволюционной эмиграции, в частности у правоведа Г.К. Гинса, служившего управляющим делами в правительстве адмирала Колчака (т. 1, с. 1012–1013). В этой трактовке оно имеет консервативно-религиозный характер, выражая принципы народности и соборности, противостоящие либеральным принципам индивидуализма и личной политической свободы. Основы солидаризма в исторической ретроспективе составляют, по мнению авторов книги, бесспорные нравственные, культурные и религиозные ценности, формирование национального самосознания, гражданской социально-политической идентичности. Но в Европе межвоенного периода идеи солидаризма, выдвинутые Л. Дюги, получили другую, вполне авторитарную и клерикалистскую интерпретацию, стали основой корпоративистских режимов, в частности диктатур Муссолини, Франко и Салазара, что вряд ли позволяет однозначно говорить о демократическом характере учения. Учитывая амбивалентность данной доктрины, трудно ожидать от ее применения решения

поставленной авторами амбициозной задачи подведения итогов 100-летнего опыта и выработки ценностей, на которых может строиться новое общество.

В результате в книге выдвигается «библейский» взгляд на историю, предполагающий оценку исторического процесса как целого с религиозно-этической точки зрения: коммунистическому мифу противопоставляется религиозный миф о спасении: исходная гармония солидарности оказалась разрушена в результате идеологического грехопадения и утраты традиционных ценностей; «народ-ребенок» был введен в заблуждение демагогическими обещаниями земли и мира и поработен жестокой деспотической властью, которая, лишив людей веры, права и достоинства, выступает как «безусловное зло» (т. 1, с. 5). Но постепенно, испытыв невероятные страдания и трудности, народ прозрел и сбросил оковы тирании. С этих эсхатологических позиций авторы стремятся понять скрытую логику катастрофических событий, приведших к «национальной трагедии», выяснить, «в чем же источник неправды», провести грань между добром и злом, дать оценку историческим деятелям. Подобно Ж. де Местру или А.И. Солженицыну, они излагают очень уверенные эмоциональные оценки и даже пророчества. Они знают, «к чему следует стремиться»: «к органически целому обществу, к национальному единству, солидарной частью которого чувствует себя каждый его член. Без этого социальные потрясения будут продолжаться» (т. 2, с. 811). Но знают ли авторы, как достичь этого единства в поликонфессиональном и многонациональном обществе без применения насилия? И куда деваться тем, кто не чувствует себя солидарной частью целого?

Несомненной заслугой авторов следует признать рассмотрение истории России в сравнительном контексте и длительной временной перспективе. В этом отношении история России ничем принципиально не отличается от других ведущих стран, прошедших стадии формирования централизованных государств, а затем превратившихся в крупнейшие империи, которые со временем вступили между собой в жесткое противостояние за раздел мира. Главная особенность России в этой сравнительной перспективе заключалась в том, что процессы формирования государственности значительно опережали развитие общества, делали его аморфным и пассивным по отношению к государственной власти. Само общество в результате ряда внешних (монголо-татарское иго) и внутренних (большие территории, трудности коммуникаций, крепостничество) факторов существенно отставало от западных

стран. Поэтому гражданское общество в нашей стране сформировалось значительно позднее, к последней трети XIX в., отношения частной собственности не сформировались, модернизация оказалась не завершенной, несмотря на все усилия государственной власти имперского периода, систематически осуществлявшей крупные социальные реформы.

На исходе имперского периода истории, как справедливо отмечают авторы, Россия была одним из наиболее динамично развивавшихся государств мира: об этом говорят цифры демографического роста (одни из самых высоких в мире), достижение финансовой стабильности (конвертируемость рубля), социальные изменения (формирование правовых основ гражданского равенства и начавшееся постепенное включение крестьянства в полноценную социальную деятельность на основе отмены общины), наконец, радикальные политические изменения – переход от абсолютизма к представительной монархии. Те социальные проблемы, которые оставались нерешенными (трудности поземельного урегулирования, рост национализма на окраинах и консервативное поведение элиты и монархии, стремившихся сохранить свои позиции в изменившихся условиях), не являлись сами по себе фатальными для судьбы страны: они вполне могли быть преодолены на путях реформ и уже эффективно решались такими деятелями, как Витте и Столыпин.

Революция, следовательно, не была фатальна и неизбежна, как стремилась доказать марксистская (советская) историография. В концепции авторов книга революция выступает как единый деструктивный процесс, ее корни восходят к нигилизму русской интеллигенции, которая «в отсутствие политических свобод и безграмотности подавляющего большинства русского народа присвоила себе право говорить от имени этого молчаливого большинства» (т. 1, с. 96). Последовательные проявления интеллигентского сознания выражаются в событиях 1905–1907 гг., а затем в Февральской революции и октябрьском перевороте, – все они были не движением вперед, а срывом процессов модернизации, откатом назад. Революция означала цивилизационную катастрофу – тотальное разрушение общества, государственности, культуры и правовой преемственности, неисчислимые бедствия населения. Однако авторам, несмотря на значительный обобщенный эмпирический материал, не удалось внести концептуальную новизну в решение вопроса о причинах революции. Стала революция следствием модернизации или отказа от нее? Почему противоречие высоких темпов экономического развития и аграрного

застоя не удалось снять путем реформ в начале XX в., а социальное разделение в обществе, вопреки нарисованной ранее оптимистической картине, возросло настолько, что «индикатор датчика общественной солидарности падает почти до нуля, а барометр доверия народа к власти предвещает политический ураган» (т. 1, с. 289)? Если войны и революции можно было избежать, в чем причина того, что это все же случилось: только в радикализме интеллигенции и личности царя Николая II? Или в спонтанном «восстании масс», о котором как общеевропейском феномене писали Х. Ортега-и-Гассет и М. де Унамуно? На какой стадии процесс стал необратим?

Солидаристская теория не очень убедительна при объяснении ключевых проблем истории России XX в. Прежде всего, не ясно, почему интегрирующие основы общества (и в частности Церковь, которой уделяется центральное место) оказались столь слабы, что не смогли предотвратить социальной катастрофы? Аналитическая разработка этой проблемы уступает место воспроизведению некоторых общих идей, выдвинутых в русской эмиграции, особенно в трудах религиозных мыслителей. Очередное повторение консервативных штампов (крушение самодержавия было вызвано деятельностью либералов, а не отказом от реформ; революцию сделали интеллигенты и масоны при поддержке немецких денег, и т.п.) не делает их более убедительными. Очевидно, что приводимые авторами причины краха государства в 1917 г. являются скорее его внешними проявлениями, нежели фундаментальной основой. Ими можно объяснить успех переворота, но не многолетнее существование большевистской власти.

В книге не ставится важная (и традиционно дискутируемая в историографии) проблема альтернативности путей Февральской и Октябрьской революций. Авторы интерпретируют их исключительно как различные стадии распада единого государства. В книге дается резкая критика Временного правительства, которое, как говорится в цитируемом авторами источнике, «ответственно за срыв революции и большевизм, а тем самым, в значительной степени, и за Версаль, Гитлера, и за Вторую мировую войну» (т. 1, с. 468). Но сами авторы отмечают, что Временное правительство было не способно провести в жизнь рациональную программу либеральных реформ и преодолеть кризис власти из-за политической слабости и господства социализма во главе с Керенским. Недооценка левозастремительской опасности выражалась в идее о том, что опасность демократии может исходить только справа – от сторонников реставрации монархии (осно-

ванием чему служил предшествующий опыт контрреформ и мнимого конституционализма). Механизм революционных процессов и установления большевистской диктатуры, очевидно, не сводится к конфликту Керенского и Корнилова, как, по-видимому, полагают авторы. Наконец, подобная ситуация выбора имела место не только в ходе русской революции: в ряде случаев, как показывает богатая история революций XX в., российский сценария установления леворадикальной диктатуры удавалось избежать (в основном путем установления авторитарных режимов бонапартистского типа).

Каким образом большевикам и их последователям удалось удержать власть в течение длительного периода и избежать Термидора и Реставрации (в отличие от Английской и Французской революций)? С помощью насилия и лжи – отвечают авторы, не поясняя, впрочем, какой из двух инструментов оказался более востребованным. Фактор большевистского насилия, масштабы которого были действительно чудовищны, подробно и убедительно раскрыт в рецензируемом труде. Однако он вряд ли может служить единственным объяснением установления, а тем более длительного существования коммунистического режима. Подобный вывод не согласуется с другим важным наблюдением авторов книги: «Большинство населения, – констатируют они, – не оказывало коммунистам сопротивления» (т. 1, с. 475). А те, кто оказали, либо оказались в меньшинстве, либо (как в случае крестьянских и казачьих восстаний) не возвышали свой протест до полноценного гражданского уровня.

Из этого противоречия вытекает ряд других взаимосвязанных вопросов, ответов на которые в книге нет: почему белые проиграли Гражданскую войну (в книге объяснение сводится в основном к изменению соотношения военных сил и пропаганде – т. 1, с. 726–732); как коммунистам в обстановке всеобщего хаоса удалось столь быстро «захватить власть на местах, прежде всего в промышленных центрах» (т. 1, с. 475), наконец, почему фиктивные органы власти (советы, фабзавкомы, и проч.) широко распространились по стране и столь успешно выполняли функцию легитимации однопартийной диктатуры (о чем авторы убедительно говорят в т. 1 на с. 471)? Конечно, в основе этих явлений – общий низкий культурный уровень населения и рост апатии и цинизма в условиях войны. Вместе с тем следует признать, что большевики оказались очень эффективны в решении вопроса о власти (не только в ее захвате, но и удержании в ходе Гражданской войны и затем в ходе создания нового государства), в манипулировании конституционными

нормами, федерализмом и советами. Они были способны извлекать уроки из революционного прошлого (как хорошо показано в разделе о «лжETERМИДОРЕ» – т. 1, с. 766–768). Следует ли из этого вывод об исключительно тактических способностях большевиков или также о востребованности их стратегии форсированной модернизации – вопрос, на который авторы не дают четкого ответа.

Принципиальна в этом контексте идущая в современной историографии дискуссия о соотношении спонтанности и целенаправленности в процессе концентрации власти – от разгона Учредительного собрания к созданию однопартийного режима и от него – к единоличной диктатуре, опирающейся на систему карательных учреждений. В рецензируемой книге история СССР рассматривается как перманентная война государства и общества, осуществлявшаяся с единственной целью – сохранения правящей коммунистической верхушки у власти. Но при такой постановке вопроса все действия коммунистического режима выступают как последовательная и сознательная реализация некоего изначального дьявольского плана, в принципе исключавшего колебания и импровизацию. Путь большевиков к власти лежал через роспуск Учредительного собрания и Гражданскую войну, а ее удержание делало необходимым сознательно организованный голод 1920-х гг. (для преодоления сопротивления крестьянства политике военного коммунизма), равно как и голодомор 1930-х гг. (для подавления сопротивления крестьянства коллективизации). Даже Вторая мировая война выступает как «цена сговора двух диктаторов» (т. 2, с. 11).

Такой телеологический подход содержит опасность исторической аберрации – восприятия причин процессов с точки зрения их результатов. Это относится к подаче материала об альтернативах военного коммунизма и нэпа, причинах утверждения сталинизма и возможности выхода из международного конфликта без войны. Можно предположить вместе с авторами, что Второй мировой войны можно было избежать без русской революции и сталинизма, оказавшегося заинтересованным в провоцировании глобальных конфликтов для достижения коммунистической гегемонии. Без пакта с Германией, полагают авторы, «очень возможно, не потребовалось бы ни войны, ни победы» (т. 2, с. 186). Но с равным основанием можно предположить другие гипотетические сценарии развития конфликта: пакт Молотова–Риббентропа, который подвергается в книге основательному разоблачению с моральных и идеологических позиций, с прагматических позиций мог дать позитивный эффект: направить нацистскую агрессию на страны запад-

ной демократии (на что рассчитывал Сталин), а в случае более длительного сопротивления Франции германскому вторжению позволил бы СССР избежать войны с Германией или, как минимум, оттянуть ее начало. А это, в свою очередь, могло бы гипотетически привести к другой конфигурации послевоенного устройства мира, успешной деидеологизации и либерализации режима после смерти Сталина, возможно, предотвращению конвульсивного распада СССР, и т.д. Тот факт, что альтернативные модели не были реализованы в советской истории, не означает, что они не могли быть реализованы в принципе. Наконец, телеологический подход не объясняет эволюции самого советского режима, разные фазы которого включали принципиальные различия (достаточно сравнить государство Брежнева с государством Ленина).

В книге не поставлен и сакраментальный вопрос о том, какая часть населения и почему поддержала большевистский (советский) режим. Авторы исходят из молчаливого предположения о том, что режим был чужд основной массе населения. Но не достоин ли народ того правительства, которое имеет? Очевидно, что режим не смог бы удержаться у власти и выиграть Гражданскую войну без поддержки значительной части населения. Далее, машина репрессий, созданная Лениным и Сталиным, не могла бы функционировать без вовлечения населения, соглашавшегося на это сотрудничество в рамках новой советской системы ценностей и распределения привилегий. Фактически мы стоим перед необходимостью честного ответа на вопрос, который не побоялись поставить немецкие историки в известной дискуссии о нацизме: в какой мере русский народ несет ответственность за установление коммунистического режима?

Для ответа на него важно было бы проанализировать, что представляла из себя русская нация в 1917 г., до какой степени можно говорить о завершенности ее формирования, каковы были основы ее самоидентификации в быстро изменяющихся условиях. Почему в основе этой самоидентификации на длительное время оказалась коммунистическая утопия? Центральная тема – соотношение советской и русской идентичности – представлена в книге, но не получает однозначного решения: с одной стороны, авторы «решили не идти вслед за традицией советской пропаганды и не переименовывать русское общество в России в советское», но с другой стороны, – вынуждены признать, что по своему самосознанию «оно действительно в значительной степени стало к этому времени советским, глубоко разойдясь и с русским обществом начала XX в.,

и с русским обществом современного ему Зарубежья». Выход из дилеммы авторы видят в том, чтобы идти не за официальным названием, но внутренним самоощущением общества, которое, продолжая именоваться советским, «оставалось в глубине своей русским и потому все более стремилось к восстановлению своей тождественности с Россией и восстановило ее, хотя бы формально, в 1993 г., став вновь российским, русским в Российской Федерации» (т. 2, с. 213).

Действительно, советская и российская идентичности выступают как конкурирующие стратегии самоопределения, причем отношение между ними не остается постоянным: если на начальных этапах существования режима преобладала революционная (советская) идентичность, то затем она постепенно сменялась национальной (русской), достигшей пика влияния к моменту распада СССР (и, как считают некоторые исследователи, обусловившая ключевую роль России в дезинтеграции СССР). Переломной фазой является, по общему признанию, Великая Отечественная война, когда 2 вида идентичности (советскую и российскую) разграничить оказывается практически невозможно. Поэтому искусственной выглядит попытка авторов отказать от понятия Великой Отечественной войны и заменить его ценностно-нейтральным понятием «советско-нацистская война» (т. 2, с. 184–187). Именно Отечественная война и ее последующее осмысление привели, как показано в современной литературе, к росту российской национальной идентичности вопреки официальной концепции «советского патриотизма». Чрезвычайно спорной представляется попытка представить движение генерала Власова (и РОА) как протест «российского патриотизма» против советского строя (т. 2, с. 154–167), тем более, что его методы (сотрудничество с противником против своей страны в условиях войны) ничем формально не отличаются от аналогичных действий Ленина в период Первой мировой войны, которые авторы ранее квалифицировали как государственную измену, заслуживающую смертной казни через повешение на основании ст. 108 Уложения об уголовных наказаниях (т. 1, с. 412). Возможно, конечно, различные критерии оценок такого рода действий в разные периоды истории, но они должны быть как минимум сопоставимыми, иначе возникает ощущение двойных стандартов.

В книге представлен аргументированный вывод о том, что Советская империя (авторы используют это понятие без кавычек) являлась искусственным образованием, в основу которого был положен идеологический принцип

установления мирового коммунистического господства, а не собственно национального развития. Этим объясняется структура нового государства, основанная на механическом выделении национальных республик, создаваемых с целью подавления автономий, с одной стороны, и интеграции новых народов в будущую всемирную советскую республику – с другой. Искусственность этой государственной конструкции, как и всего советского федерализма, делала ее неустойчивой и подверженной угрозе распада, преодоление которого стало возможным исключительно в результате установления однопартийной диктатуры.

С этих позиций решается вопрос о распаде СССР: поскольку это государство возникло с разрывом исторической преемственности (не было юридически преемником Российской империи), структурная основа носила механистический характер, а стабильность поддерживалась насильственным путем, значит, распад был неизбежен. Но почему он произошел именно в конце XX в.? Любопытно, что национальному фактору отводится не столь значительное внимание, как можно было бы ожидать, исходя из предшествующего анализа конфликта советской и российской идентичности. Нет и уверенного утверждения о том, что причиной распада стал экономический спад. Кризис государства, если мы правильно поняли авторскую концепцию, реализовался в конце XX в. в результате взаимодействия ряда преимущественно политических факторов – роста инерционности системы, запоздалого характера модернизации и ее неправильной организации, сопротивления консерваторов курсу экономических и политических реформ в виду «верного ощущения, что они приведут к крушению строй» (т. 2, с. 526). В основе, следовательно, – конфликт модернизации и сохранения однопартийной диктатуры.

Результатом стал распад СССР и демократическая революция 1993 г., способствовавшая введению в России рыночной экономики и конституционной демократии. Исторический оптимизм авторов возрастает по мере приближения к современности: «результатом реформ, проведенных в начале президентства В. Путина, – считают они, – стало восстановление управляемости государства и возвращение к общепринятым правовым нормам федерализма» (т. 2, с. 659). Однако представленная вер-

сия событий нуждается в конкретизации: если действие названных деструктивных факторов имело предсказуемый характер, означает ли это, что крушения СССР можно было избежать? Имело ли оно управляемый характер (авторы используют понятие «развала», которое говорит о сознательности действия)? Наконец, сохраняют ли эти факторы значение в современной России и каковы, исходя из этого, перспективы ее развития? История не дала однозначного ответа на поставленные вопросы: на постсоветском пространстве представлены противоположные векторы развития – от стремления к полноценной демократии западного типа до консервации традиционалистских авторитарных режимов в новых формах.

Рецензируемый труд – интересный пример поиска постсоветской идентичности с позиций нравственной философии и религиозной историографии. Книга убедительна в критике советского исторического опыта XX в. и определении путей его преодоления. Окончательный отказ от коммунистического эксперимента действительно позволяет России выйти из исторического тупика и начать возрождение государственности. Такое возрождение, как справедливо полагают авторы, возможно по линии восстановления разорванной исторической, духовной, культурной и даже правовой преемственности – полного и сознательного отказа от какого-либо воспроизводства советских идеологем, символов, не говоря о практике советского режима от начала до конца его существования. В то же время трудно согласиться со стремлением авторов к оценкам исторических явлений с позиций морального абсолюта, безапелляционность которых возрастает при обращении к спорным вопросам (когда целесообразнее приводить доказательства или различные точки зрения). Моральный абсолютизм исключает дискуссию, поскольку выдвигаемые им императивы имеют венаучное происхождение, не поддаются эмпирической проверке и устанавливаются скорее методами этики и теологии, нежели историографии. Представляется, что консервативная политическая романтика – не тот путь, который выведет российскую историографию и историческое сознание из постсоветского лабиринта.

А.Н. Медушевский,
доктор философских наук
(Институт российской истории РАН)